

БАНКОВСКИЙ КОМИТЕТ

Председатель:
Михаил Чайкин, ING BANK (EURASIA) JSC

Заместитель председателя:
Стюарт Лоусон, EY

Координатор комитета:
Татьяна Листровая (tatiana.listrovaya@aebrus.ru)

ВВЕДЕНИЕ

Этот год стал шоковым для мировой экономики и рынков. Пандемия коронавируса привела к значительным человеческим жертвам, внезапной остановке международного туризма, ударила по сфере услуг и вынудила правительства и центральные банки провести значительное смягчение бюджетной и денежно-кредитной политики. При этом коронакризис не создал очевидных точек роста, и ожидаемая траектория восстановления мировой экономики далека от буквы «V». Скорее всего, выбирать придется между «U», «W» и «L». Наоборот, кризис лишь усилил имеющиеся дисбалансы, включая рост социально-политической поляризации в развитых странах, глобальные торговые и внешнеполитические противоречия, а также низкую эффективность монетарной политики в развитых странах, которая приводит скорее к инфляции активов, чем стимулирует экономическую активность.

Коронавирус усилил дисбалансы и в России, ударив по сектору услуг, то есть по малому и среднему бизнесу, частному сектору. Это обострило уже имеющиеся проблемы социального неравенства, что ведет к дальнейшей переориентации бюджетной политики в сторону финансирования социальной сферы. К началу 2020 года правительство имело план реализации Национальных проектов, представленный в основном инфраструктурными проектами, с общим бюджетом 26 трлн руб. (3,6% годового ВВП Российской Федерации). Пандемия сместила эти приоритеты, и сроки реализации Национальных проектов были сдвинуты с 2024 на 2030 год, а в структуре текущих расходов бюджета выросла доля трат на здравоохранение и социальную сферу через рост прямых выплат на поддержку доходов населения. Данные меры должны сгладить последствия кризиса для потребительского тренда, но они не способствуют росту уверенности в корпоративном сегменте.

В результате сейчас российская экономика имеет перспективы восстановительного роста при сохранении прежних структурных ограничений, включая недостаточное развитие внутренней материальной инфраструктуры, непростой деловой климат для частного сектора. Поэтому на желаемой повестке дня остается сокращение административных барьеров для ведения бизнеса, укрепление институциональной базы, сокращение государственного присутствия в банковском и реальном секторах, а также в сегменте занятости. Учитывая ограниченный опыт работы в данной области, эксперты по-прежнему скептически относятся к способности России обеспечить значительное ускорение роста ВВП в ближайшие годы.

2020 год увеличил список вызовов и для банковского сектора. К сохраняющемуся риску финансовых санкций, низкому инвестиционному спросу в реальном секторе, высокой доле государственных банков и затрудненному положению иностранных финансовых учреждений добавились риски эрозии фондирования в условиях низких ставок, ухудшение качества кредитных портфелей и рост госдолга в структуре банковских активов на фоне расширения программы госзаимствований и сдержанного спроса на них со стороны нерезидентов. Нельзя не отметить, что оперативные действия, предпринятые Банком России в части денежно-кредитной политики, банковского регулирования и на валютном рынке, позволяют сгладить негативный эффект внешних шоков на финансовую систему, однако для ее устойчивого развития требуются длительные скоординированные действия различных ветвей власти. Как и ранее, банковский комитет АЕБ планирует всесторонне и конструктивно взаимодействовать с Центральным банком и прочими регулирующими органами для поддержания справедливой конкуренции и инновационного развития инвестиционной активности и денежного обращения в России.

БЕЗОПАСНОСТЬ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В середине 2017 года был принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» № 187-ФЗ. Также была введена уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Однако, несмотря на очевидную важность регулирования данного вопроса, закон и принятые в его рамках подзаконные акты содержат расплывчатые формулировки. Таким образом, непонятны конкретный субъектный состав и порядок применения закона.

В частности, к субъектам закон относит буквально российские юридические лица, которым принадлежат «объекты критической информационной инфраструктуры», т. е. информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в банковской сфере и иных сферах финансового рынка. Таким образом, формально любой российский банк является «субъектом критической информационной инфраструктуры», однако вряд ли это является целью регулирования. Логично, что критическими следует признавать такие финансовые организации, дисфункция информационных систем которых затронет значительное количество граждан или организаций.

Более того, неясен и порядок исполнения закона. Финансовые организации должны создать список используемых ими объектов критической информационной инфраструктуры и категоризовать эти объекты. Однако проблематично само создание списка. К объектам относятся «информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления». Данные понятия очень широки; например, информационная система может означать даже используемый в банках текстовый редактор. Таким образом, любая вспомогательная программа в совокупности с компьютером, на котором она установлена, может быть признана объектом информационной инфраструктуры и в таком качестве включена в специальную отчетность.

Указанные проблемы не были решены в 2018–2020 гг., ситуация принципиально не изменилась.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Обратиться к Банку России и Правительству Российской Федерации с просьбой об официальном разъяснении порядка применения данного закона к банкам и финансовым организациям. По возможности следует просить Правительство уточнить, какие именно подзаконные акты конкретизируют применение рассматриваемого закона.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕРАХ

Органами исполнительной власти Российской Федерации введены санкционные меры в отношении ряда иностранных лиц (в качестве примера можно привести Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2018 г.). Перечень санкционных мер предусматривает в том числе замораживание денежных средств на банковских счетах и запрет на вывод капитала за пределы Российской Федерации. Предполагается, что подобные меры должны реализовываться кредитными организациями. Однако в законодательстве не конкретизированы содержание таких мер, порядок их реализации банками, а также необходимость их применения к российским лицам, подконтрольным иностранным лицам, в отношении которых введены санкции. На практике это может приводить к достаточно абсурдным ситуациям: например, в результате формального толкования правил может быть введен запрет банкам на осуществление налоговых платежей в бюджет Российской Федерации применительно к платежам, осуществленным российскими организациями, подконтрольными лицам, в отношении которых введены санкции. Поскольку законодательно не определен орган исполнительной власти, ответственный за дачу разъяснений по содержанию нормативных актов, и не установлена процедура дачи указанных разъяснений, оперативно разрешать неурегулированные вопросы не представляется возможным.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Обратиться к Правительству Российской Федерации с просьбой конкретизировать порядок применения специальных экономических мер банками и определить процедуру разрешения спорных

вопросов применения введенных государством санкционных мер экономического характера (по аналогии с процедурами, существующими в других юрисдикциях).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

По состоянию на текущий момент подробно не урегулированы законодательством вопросы применения Банком России штрафов к кредитным организациям. Исходя из действующего законодательства (статья 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»), Банк России вправе штрафовать кредитные организации за любые нарушения федеральных законов и подзаконных актов. При этом конкретные составы правонарушений не установлены, а процессуальные нормы, которые регулировали бы порядок применения такого рода наказаний и их обжалования, отсутствуют.

В настоящее время органами власти Российской Федерации и общественными организациями ведется большая работа по пересмотру законодательства об административных правонарушениях.

В целях повышения эффективности применения штрафов к кредитным организациям, обеспечения более конкретизированного и разумного законодательного регулирования деятельности в банковской сфере и защиты добросовестных участников финансового рынка, мы считаем необходимым принципиальный пересмотр подхода к данному вопросу, что позволит исключить возможность наложения на кредитные организации штрафов за абстрактное нарушение федерального закона или подзаконного акта.

В рамках проекта по изменению Кодекса об административных правонарушениях могут быть реализованы две концепции привлечения банков к ответственности.

КоАП может быть дополнен конкретными составами правонарушений, относящимися к банковской деятельности, а Банк России – назначен органом, уполномоченным рассматривать дела по таким правонарушениям. Размер административных штрафов должен дифференцироваться для различных правонарушений в зависимости от их тяжести. Привлечение к ответственности и обжалование решений будут базироваться на соответствующих процессуальных нормах КоАП.

В качестве альтернативы банковские правонарушения могут быть полностью исключены из КоАП, а законодательство о банках и банковской деятельности может быть дополнено понятием «банковского правонарушения» и конкретными составами и санкциями для таких правонарушений, а также процессуальными нормами, регулирующими порядок наложения штрафов и их обжалования в вышестоящем подразделении Банка России (по аналогии с понятием «налогового правонарушения», существующим в налоговом законодательстве).

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Обратиться к Банку России и Правительству Российской Федерации с просьбой об определении законодательного подхода к

ответственности банков и внесении необходимых поправок в законодательство, в том числе в рамках проекта о пересмотре Кодекса об административных правонарушениях.

О РЕГУЛИРОВАНИИ ДИСТАНЦИОННОЙ И УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ

Многие финансовые институты и банковская сфера столкнулись с новым вызовом 2020 года – пандемией COVID-19, что потребовало от организаций мобилизовать текущие трудовые ресурсы и в оперативном порядке вывести на удаленную работу большинство процессов, не требующих личного присутствия работников в офисе. Контроль за работой сотрудников, дисциплина труда, а также вопросы охраны труда работника при дистанционной работе выходят на первый план. Многим работодателям, кто только размышлял на темы возможной дистанционной работы для своих коллективов, пришлось оперативно принимать действия в отношении нового формата взаимодействия с работниками, дисциплины труда и контролем за исполнением должностной функции удаленно.

Согласно статье 312.1 ТК РФ, дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя.

Согласно подпункту а) пункта 6 части первой статьи 81 ТК РФ, прогулом признается отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня независимо от его продолжительности, а также отсутствие на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня. Понятие рабочего места приведено в статье 209 ТК РФ. Рабочее место – место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя.

Таким образом, уволить работника за прогул при дистанционной работе не получится, поскольку, исходя из приведенных выше норм закона, одной из основных особенностей данного режима является работа вне стационарного рабочего места, подконтрольного работодателю. По сути работник, если ему удастся обеспечить надлежащее выполнение трудовых обязанностей, может каждый день работать в новом месте (дома, в парке, в кафе и пр.). Данная позиция подтверждается Определением Су-

дебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.09.2019 № 5-КГ19-106.

Важно отметить, что в настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе находится Законопроект № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». Он вносит существенные корректировки в Главу 49.1 ТК РФ. Так, в статью 312.4 ТК РФ планируется внести понятие «порядок взаимодействия», которым может быть предусмотрена обязанность дистанционного работника отвечать на звонки, электронные письма и запросы работодателя, сделанные в иной форме, а также срок, в течение которого дистанционный работник обязан реагировать на запросы работодателя, связанные с выполнением трудовой функции.

Обязательство работника в части обеспечения надлежащего режима самоорганизации при выполнении работы дистанционно, с тем, чтобы соблюдался режим рабочего времени, установленный Работодателем, а также исключение использования в личных целях времени, предназначенного для дистанционной работы, согласно режиму рабочего времени, установленному Работодателем в Правилах внутреннего трудового распорядка также должны быть сформулированы в условиях дистанционной работы и подписаны сторонами (работником и работодателем). Так, например, в нашем Банке закреплена ответственность работника по требованию непосредственного или вышестоящего руководителя являться в помещение Работодателя в пределах рабочего времени, установленного Работодателем в Правилах внутреннего трудового распорядка.

Переход на удаленную работу (дистанционный труд) обратил внимание всех работодателей на необходимость скорейшего перевода бумажного документооборота в электронный формат (где это применимо), а также многократно усилило понимание необходимости использования электронной цифровой подписи как внутри организаций, так и при общении с регуляторами. Автоматизация бизнес-процессов и кадрового делопроизводства становится не просто актуальным трендом современного бизнес-сообщества, но и необходимостью предоставлять качественные и своевременные услуги для наших клиентов и партнеров. Со своей стороны в самое ближайшее время мы ожидаем закрепление норм электронного документооборота и использования ЭЦП также в Трудовом Кодексе РФ. Это позволит сократить издержки на выпуск и хранение документов на бумажных носителях, перевести документы в электронный формат и оптимизировать многие процессы по кадровому документообороту.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА

American Express Bank • Bank Credit Suisse (Moscow) • BNP Paribas • Center-invest Bank • Citibank AO • Commerzbank (Eurasija) AO • Credit Agricole CIB AO • Deutsche Bank Ltd. • European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) • HELLENIC BANK PCL • HSBC Bank (RR) OOO • ING BANK (EURASIA) JSC • Intesa • Mercedes-Benz Financial Services Rus OOO/Mercedes-Benz Bank Rus OOO/Mercedes-Benz Capital Rus OOO • Natixis Bank JSC • Nordea Bank • OTP Bank JSC • Raiffeisenbank AO • Rosbank • UBS Bank, OOO • UniCredit Bank AO.

BANKING COMMITTEE

Chairman:
Mikhail Chaikin, ING BANK (EURASIA) JSC

Deputy Chairman:
Stuart Lawson, EY

Committee Coordinator:
Tatyana Listrovaya (tatiana.listrovaya@aebrus.ru)

INTRODUCTION

This year has been a shock for the global economy and markets. The coronavirus pandemic has resulted in significant loss of life, brought a sudden halt to international tourism, struck the service industry and forced governments and central banks to implement significant fiscal and monetary easing. At the same time, the coronavirus crisis has not created obvious growth points and the expected trajectory of the global economic recovery is far from "V-shaped". In all reality, it is more likely either a "U", a "W" or an "L". On the contrary, the crisis has only exacerbated existing imbalances, including the growing socio-political polarization in developed countries, global trade and foreign policy contradictions, as well as the low efficiency of monetary policy in developed countries, which is leading to asset inflation instead of stimulating economic activity.

The coronavirus has exacerbated imbalances including in Russia, hitting the private service sector, i.e. small and medium-sized businesses and the private sector. It has exacerbated the existing problems of social inequality, which leads to a further reorientation of budgetary policy towards financing the social sphere. By the beginning of 2020, the government had a plan for the implementation of National projects mainly represented by infrastructure-related projects, with a total budget of RUB 26 trillion (3.6% of the annual GDP of the Russian Federation). The pandemic has shifted these priorities, and the deadlines for the implementation of the National Projects have been shifted from 2024 to 2030, and in the structure of current budget expenditures, the share of health care and social services expenses increased through additional forwarding of direct payments to support the people's income. These measures are intended to mitigate the impact of the crisis on the consumer trend, but they are not contributing to confidence in the corporate sector.

Consequently, the Russian economy now has prospects of recovering its losses while maintaining the previous structural constraints, including insufficient development of the internal material infrastructure and a difficult business climate for the private sector. Therefore, the list of desired agenda items still includes reducing administrative barriers to business, strengthening the institutional framework and reducing government presence in the banking and real sectors, as well as in the employment segment. Given the limited track record in this area, experts remain sceptical about

Russia's ability to deliver strong acceleration of the GDP growth in the coming years.

2020 has also added to the list of challenges for the banking sector. The ongoing risk of financial restrictions, low investment demand in the real sector, a high share of state-owned banks and the difficult position of foreign financial institutions have now been added to the existing risks of funding decreasing due to low rates, deterioration in the quality of loan portfolios and increasing government debt in the structure of banking assets amid an expansion of the government borrowing programme and the restrained demand from non-residents. It should be noted that the prompt actions taken by the Bank of Russia in terms of monetary policy, banking regulation and the foreign exchange market make it possible to smooth out the negative effect of external shocks on the financial system, but its sustainable development requires long-term coordinated actions of various branches of the government. As before, the AEB Banking Committee plans to comprehensively and constructively interact with the Central Bank and other regulatory bodies to maintain fair competition and innovative development of investment activity and money circulation in Russia.

CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE SECURITY

Federal Law No. 187-FZ 'On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation' was adopted in mid-2017. Concurrently, criminal liability was introduced for unlawful tampering with the critical information infrastructure of the Russian Federation. However, despite the obvious importance of this legislation, the law and respective bylaws have a rather vague wording. Therefore, the law is not specific as to the subjects regulated thereby and the scope of its application.

In particular, the subjects of the law are, literally, Russian legal entities that possess 'critical information infrastructure objects', i.e. information systems, information and telecommunication networks, and automated management systems used in banking and other financial market segments. Therefore, formally any Russian bank is a 'critical information infrastructure object', which does not seem to be the exact purpose of the regulation. Logically, financial organizations should be deemed as 'critical objects' only if a dysfunction in their IT system affects a large number of individuals and companies.

Moreover, it is difficult to understand how the law should apply. Financial institutions must create a list of critical information infrastructure objects they use and categorize those objects. But the very creation of the list is problematic. The scope of objects includes 'information systems, information and telecommunication networks, and automated management systems'. These definitions are excessively broad. For example, an information system could even mean a text editor the bank uses. Hence, any auxiliary programme, together with the computer it is installed on, may be deemed to be a critical information infrastructure object and will, as such, be included in special reporting.

These problems have not been resolved in 2018-2020, and the situation remains the same in principle.

RECOMMENDATION

To suggest to the Bank of Russia and the Russian Government that they officially clarify how the law applies to banks and financial institutions. If possible, the Russian Government should be asked to clarify the bylaws detailing the application of the law.

LAWS ON SPECIAL ECONOMIC MEASURES

Russian executive authorities have implemented sanctions against certain foreign parties (e.g. the Government Decree of 1 November 2018). The sanctions include freezing funds and prohibiting capital transfer outside Russia. Sanctions of this kind are, presumably, to be implemented by credit institutions. However, the exact content of the sanctions, the procedure for implementation thereof by the banks, and application of the sanctions to Russian companies controlled by the foreign sanctioned parties have not been specified. In practice that may lead to rather surreal situations. For example, the rules in question may be formally interpreted as a prohibition on the banks to execute tax transfers to the Russian budget if the payment is initiated by a Russian organization controlled by a sanctioned party. As there is no executive body designated to grant regulatory advice on the matter and no procedure for such advice, no means are available to the parties involved for timely resolution of unclear issues.

RECOMMENDATION

The government must be asked to specify the procedure for implementation of the special economic measures by the banks and provide a procedure allowing for resolution of unclear issues on the application of these economic measures, analogous to similar procedures existing in other jurisdictions.

LIABILITY OF CREDIT INSTITUTIONS

There is currently no detailed legislation on fines against banks applied by the Bank of Russia. Current laws (Article 74 of the Federal Law 'On the Central Bank of the Russian Federation [the Bank of Russia]') allows the Bank of Russia to fine credit institutions for any breach of federal laws and regulations. Specific content of the

breaches is not specified, and there are no procedural rules governing either application of the sanctions or appeal against them.

Russian authorities together with public foundations are now extensively working on reviewing the laws concerning administrative sanctions.

So that fines against the banks are more effective, the regulation of banking is more specific and reasonable, and good participants of the financial markets are protected, we deem a major restatement of the approach to this matter necessary so that fines are not applied for abstract breaches of law and regulations.

Review of the Administrative Offences Code (KoAP) may allow for implementation of two concepts for banks' liability.

KoAP may be supplemented with provisions addressing banking offences and detailing specific scopes thereof, and the Bank of Russia may be authorised to judge the respective cases. The fines shall be differentiated according to gravity of the breaches. Prosecution and appeals will be based on KoAP's respective procedural rules.

Alternatively, provisions covering banking offences may be moved from KoAP to banking laws, which will then be supplemented with a separate concept of a 'banking offence' detailing the corresponding scopes and applicable fines, as well as the procedure for addressing the imposition of fines and appeals to the Bank of Russia, by analogy to the 'tax offence' concept of the tax law.

RECOMMENDATION

The Bank of Russia and the government shall be asked to determine the approach to liability of the banks and initiate amendments to the law, including as part of a KoAP review exercise.

ON THE REGULATION OF DISTANCE AND REMOTE WORK

Many financial institutions and the banking sector faced a new challenge in 2020 – the COVID-19 pandemic. Organizations had to mobilize the existing labor force and quickly shift most processes not requiring the presence of employees in an office to remote work. For distance work, control over the work of employees, labor discipline, and occupational health and safety are the priority. Many employers who were only considering the possibility of distance work for their teams had to quickly make decisions on a new form of interaction with employees, labor discipline, and control over the performance of job functions remotely.

Pursuant to Article 312.1 of the Labor Code of the Russian Federation, "distance work" means performing a labor function defined in an employment contract outside the principal place of an employer's business, its branch, representative office, or other standalone business unit (including ones in other localities), as well as outside a permanent workplace, territory, or facility directly or indirectly controlled by an employer.

Pursuant to Sub-Clause 6 (a) of the first part of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation, “unauthorized leave” means an absence from the workplace without good cause during the entire business day, irrespective of its duration, and an absence from the workplace without good cause for more than four hours in a row during a business day. The definition of a workplace is provided in Article 209 of the Labor Code of the Russian Federation. “Workplace” means a place where an employee must stay or must arrive in connection with their work and which is directly or indirectly controlled by an employer.

Therefore, an employee cannot be dismissed for unauthorized leave during distance work because, proceeding from the above statutory provisions, work outside a permanent workplace controlled by an employee is a key feature of distance work. Generally, if an employee can perform their job duties properly, they can work each day in a new place (at home, in the park, in a cafe, etc.). This position is supported by the Ruling of the Judicial Chamber on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG19-106 dated September 16, 2019.

It should be noted that the draft law No. 973264-7 “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation in Terms of the Regulation of Distance and Remote Work” is under consideration in the State Duma. This draft law will make significant changes to Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation. Thus, it is planned to introduce an “interaction procedure” into Article 312.4 of the Labor Code of the Russian Federation, which may stipulate the obligation of a remote employee to answer calls, e-mails and inquiries from an employer made in another form, as well as the period during which a remote employee must respond

to inquiries from an employer related to the performance of their job functions.

The obligation of an employee to ensure proper self-organization when performing distance work in order to comply with the work schedule established by an employer and the prohibition on personal use of the time designated for distance work pursuant to the work schedule established by an employer in the internal code of labor conduct must be included in the terms and conditions of distance work and signed by the parties (the employee and the employer). For example, in our bank, an employee’s responsibility to appear, at the request of an immediate supervisor or a line manager, at the employer’s premises during working hours established by an employer in the internal code of labor conduct is documented.

Shifting to remote (distance) work has led all employers to consider a quick transition from hard copy document workflow to an electronic format (if applicable) and has strengthened the understanding of the need to use an electronic digital signature both inside organizations and when communicating with regulators. The automation of business processes and personnel record management is becoming not just an important trend in today’s business community, but a pre-requisite to provide high-quality and prompt services to our customers and partners. We expect that the provisions regulating the electronic document workflow and the use of an electronic digital signature will be reflected in the Labor Code of the Russian Federation in the near future. This will make it possible to reduce costs for printing and storage of paper documents, transfer documents in an electronic format, and improve many processes related to employee document workflow.

COMMITTEE MEMBERS

American Express Bank • Bank Credit Suisse (Moscow) • BNP Paribas • Center-invest Bank • Citibank AO • Commerzbank (Eurasija) AO • Credit Agricole CIB AO • Deutsche Bank Ltd. • European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) • HELLENIC BANK PCL • HSBC Bank (RR) OOO • ING BANK (EURASIA) JSC • Intesa • Mercedes-Benz Financial Services Rus OOO/Mercedes-Benz Bank Rus OOO/Mercedes-Benz Capital Rus OOO • Natixis Bank JSC • Nordea Bank • OTP Bank JSC • Raiffeisenbank AO • Rosbank • UBS Bank, OOO • UniCredit Bank AO.